

Стр. 4. — 1998. — 17 июня. — С. 6

Призрак Чехова бродит по Европе

Гости и участники московского театрального фестиваля разбегались, а его директор может попасть в долговую тюрьму

Казалось, третьему Международному фестивалю имени А.П.Чехова, проводимому в столице, не будет конца. Стартовав 26 марта и финишировав в июньскую жару, он переплюнул по продолжительности все ранее известные такого рода акции и, по сути, превратился в более чем двухмесячные гастроли наших и зарубежных коллективов в Москве.

Так ли уж был необходим этот грандиозный театральный смотр (ведь не с неба же падали деньги на его проведение?), когда вокруг творится такая неразбериха и люди по полгода не получают зарплату? С другой стороны, если рассуждать по принципу "культура подождет", то все театры надо давно закрыть и подождать, пока нормализуется обстановка в стране...

Заручившись в начале этого года обещаниями насчет финансовой поддержки со стороны правительства и мэра Москвы Лужкова, а также Министерства культуры, главный устроитель фестиваля — Конфедерация театральных союзов под руководством Кирилла Лаврова неожиданно оказалась заложницей политической и экономической нестабильности. Пока только один Юрий Лужков выполнил свои обязательства перед конфедерацией, остальные продолжают обещать. Сроки векселей в банке заканчиваются 20 июня, и если директор фестиваля Валерий Шадрин не выплатит 7 миллионов долларов, то его друзьям долго придется ходить с шапкой по кругу, чтобы спасти товарища от долговой тюрьмы.

Что же касается огромного количества спектаклей из 18 стран мира, показанных на фестивале, то тут опять сработало наше "совковое" пристрастие к большому цифрам: чем больше — тем лучше. Хотя добрую половину из показанных постановок можно было и не привозить. Или ограничиться европейским континентом и не приглашать театры Америки, Бразилии, Японии. Я не думаю, что в Москве нашлось бы так много ценителей (за исключением критиков), которые бы захотели посмотреть все 52 спектакля, выложив за это 500 рублей.

Правда, как сказал на заключительной пресс-конференции смотря художественный руководитель МХАТа Олег Ефремов, обширная программа фестиваля была связана с идеей внедрения уникальной системы К.С.Станиславского в мировой театр. Да, претензии у нас, конечно, гигант-

ские, хотя вопрос этот не такой уж однозначный, как нам бы хотелось его представить, особенно применительно к дальнему зарубежью, где существуют свои театральные школы. К тому же неплохо было бы разобраться с наследием Станиславского у себя дома, а то иные доморощенные режиссеры договорились до того, что русский психологический театр исчерпан и обречен на умирание.

В отношении художественной идеи фестиваля, выраженной через объединяющее творчество Чехова, могу сказать, что она распалась, как карточный домик. И не потому, что в течение 78 дней было показано всего 8 спектаклей по пьесам А.П.Чехова, а все остальные — других авторов. Дело не в количестве спектаклей, а в их качестве, в беспардонном отношении многих режиссеров к чеховскому языку, его наследию.

Польский театр из Вроцлава — «Платонов».

Не удивительно, что на этом фоне спектакль МХАТа "Три сестры" выглядел как настоящий раритет психологического искусства. Пренебрегая исторической реальностью и законами жанров, некоторые режиссеры использовали Чехова как автора "театра абсурда" или вовсе как пустого комедиографа.

Бессмысленно сравнивать "Три сестры" Олега Ефремова и "Три сестры" Марталера в Берлинском театре. Ибо спектакль швейцарского авангардиста — это абсолютно самостоятельное сочинение по поводу дальнейшей судьбы состарившихся героини и вышедших в отставку военных, история воспоминаний о минувшей молодости так и не уехавших в Москву трех сестер.

Петр Лебл из Чехии (театр "На забрадли", Прага), развеселивший публику своими зелеными волосами, рассматривает одну из самых сложных пьес Чехова — "Иванов" в виде набора эпизодов из жизни водеvilных персонажей. Поэтому самоубийство Иванова выглядит как до-

Лондонский театр «Чик Бай Джаул» — «Много шума из ничего».

ние" сельским учителем Платоновым. Сложные психологические мотивы поведения персонажей сведены к примитивному адюльтеру современного Дон Жуана, обслуживающего сексуально озлобленных дворянчек.

Экспортный вариант Чехова, в котором экстравагантность фор-

мы решает все, оказывается очень заразительным и для наших театров. Евгений Марчелли в постановке Калининградского драматического театра превращает Платонова в пологого гиганта, сознательно пародирует его и все платоновское окружение, подменяя жесткую правду жизни комиксом. Его петербургский коллега Лев Додин всех без исключения персонажей "Пьесы без названия" во главе с Платоновым отправляет... в купальню, где и происходит все действие. Режиссер не обращает внимания на авторские ремарки, в которых про купальню ничего не сказано. Зато как ему интересно устроить на сцене подобие съемочного павильона, в котором плещется настоящая вода, а обнаженные артисты, не обращая внимания на свою наготу, пытаются разобраться в смысле своей жизни. Но внимание зрителей, скорее, сосредоточивается на стекающей с их тел воде и на самих телах, а не на тексте...

Бережное отношение к слову с его мощным эмоциональным воздействием на публику продемонстрировал лондонский театр "Чик Бай Джаул". Английские артисты по-прежнему остаются ра-

зумно консервативны в своем искусстве и не изменяют традиционному театру, известному со времен Шекспира. Переполненный зал Малого театра с напряжением следил за остроумной словесной пикировкой героев комедии "Много шума из ничего". На абсолютно пустой сцене англичане создают магию безусловного по правде чувств искусства. Как тут не вспомнить об уроках великих классиков Московского художественного театра, зримо проступающих в сегодняшних спектаклях Петра Фоменко, Анатолия Васильева, Олега Табакова, в постановке Темура Чхеидзе "Вечный муж", впервые обратившегося к Достоевскому на грузинской сцене и очень много взявшего в своем творчестве от театральной системы Станиславского.

Тема профессионального достоинства, уважения к своим традициям и культуре становится чуть ли не главной в дискуссиях критиков. И еще. Зачем и кому сегодня нужен театр? Законодательница театральной моды режиссер Ариана Мнушкина из Франции поставила перед собой и Театром дю Солей этот вопрос ребром. Ее больше не интересуют новые формы в отрыве от социальных и политических проблем. Идея пьесы "И вдруг ночи стали бессонными" родилась из документального факта. Ее сюжет вкратце таков. Труппа тибетских актеров после показанного в Париже спектакля просит политического убежища, пытаясь склонить французское правительство не поставлять Китаю истребители. В противном случае они в знак протеста сожгут себя. Эту группу принимает театр, который на несколько дней превращается в коммуны, где вместе с тибетцами живут французские артисты. Ставя откровенно публицистический спектакль, Мнушкина устраивает со зрительным залом веселый хеппинг: проголодавшуюся публику подкармливают французскими булками, ей раздают воззвания в защиту тибетцев. К финалу четырехчасового действия все настолько привыкают друг к другу, что от первоначального отчуждения между залом и сценой не остается и следа. Мнушкина достигает поставленной сверхзадачи: люди в зале понимают, что любовь и сострадание — это не отвлеченные истины, а та конкретная реальность, ради которой только и стоит объединяться.

Может быть, и для нашего театра после этого фестиваля наступит пора, когда он не будет только экспериментировать с новыми формами, а постарается взглянуть на окружающую действительность глазами тонкого и мудро исследователя, подумает о людях, которым так нужна объединяющая идея? Ведь тот же Антон Павлович, думая о своих соотечественниках, призывал их выдавливать каждый день из себя по капле раба и ехал на далекий Сахалин, чтобы облегчить там жизнь каторжникам, хотя его никто об этом не просил...

Любовь ЛЕБЕДИНА.
Фото Виктора БАЖЕНОВА.